

A movie poster for the film 'Сводные' (Hostages). It features a man with dark hair and glasses, wearing a black leather jacket over a light-colored shirt, looking intensely at the camera. A woman with long dark hair, wearing a white long-sleeved shirt, is sitting in front of him, looking away from the camera and holding a pearl necklace. The background is dark and moody, with blue and orange lighting. The title 'СВОДНЫЕ' is at the bottom in large orange letters. The actress's name 'ВИКТОРИЯ ЛУКЬЯНОВА' is at the top right in orange letters. A '18+' rating is in a black circle on the right.

**ВИКТОРИЯ
ЛУКЬЯНОВА**

18+

СВОДНЫЕ

Виктория Лукьянова

Сводные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65902191

SelfPub; 2021

Аннотация

Наши родители поженились, когда мне было шесть, а ему двенадцать. Он сын школьной учительницы, я дочь бизнесмена. Между нами слишком много «но»... И слишком много детских обид и ошибок, из-за которых теперь мой сводный брат меня ненавидит. Я пытаюсь отвечать ему тем же. Пытаюсь заставить себя возненавидеть его, но мои чувства к нему сильны и очень опасны... Я люблю его. Люблю и боюсь признаться в чувствах. Но сможет ли он простить меня и полюбить?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Виктория Лукьянова

Сводные

Пролог

Он не стучит. Не ждет на пороге или вовсе, как это обычно бывает, игнорирует мою комнату и быстрым бесшумным шагом проходит по коридору, направляясь в свою спальню.

Он врывается как вихрь.

Дверь бьет о стену, вынуждая меня вздрогнуть и подскокнуть. Я ждала его появления, но не была готова. Разве к такому можно вообще подготовиться?

Его лицо, всегда кажущееся спокойным и безучастным, сейчас отражает весь спектр эмоций. И эти эмоции совершенно не положительные. Гнев. Ярость. Злость. И, кажется, немного боли... В последнем я могу заблуждаться. Яр для меня всегда был закрытой книгой, а мои способности различать чужие чувства и того хуже – я слишком сосредоточена на себе, чтобы замечать других...

Он преодолевает разделяющие нас метры с бешеной скоростью.

Я пытаюсь дышать и не показывать страха, но он отчетливо отражается на моем лице. Сводит скулы от поджатых губ

и напряженных челюстей.

– Ты, – рычит Яр, бросаясь на меня как разъяренный тигр.

Блеск его очков гипнотизирует, и я не сразу понимаю, какой именно маневр совершает брат. Но когда его рука оказывается на моем горле, а спиной я ударяюсь о стену, мне становится по-настоящему страшно. Между лопаток жжет. Но не от удара. Я не замечаю физическую боль. Иное саднит и кровоточит. Кажется, брат ошибается... Я не бессердечная сука. У меня есть сердце, которое ударяется о ребра и колотится как отбойный молоток. Вот-вот вырвется наружу, раскрошив кости, и я докажу брату, как он сильно заблуждался. Всегда заблуждался.

– Ярослав, – хриплю, но не пытаюсь сбросить его руку. Он лишь держит, но не душит. По его глазам читаю – еще один неверный шаг и его пальцы сомкнутся крепче.

– Молчи, – шипит, впиваясь ногтями в кожу.

Я начинаю паниковать. Он никогда так не поступал. Как бы я себя не вела, какие бы поступки не совершала, он терпел. Всегда терпел. Но видимо, и его чаша имеет право переполниться. И сейчас я пожинаю плоды собственных поступков. Ошибок. Их слишком много.

Я шумно глотаю, радуясь – воздух все еще без проблем поступает в легкие и обжигает. На глазах против воли выступают слезы. Но он не верит моим слезам. Никогда не верил. Маленькая врунишка – так называл меня сводный брат, когда мне было шесть, а ему двенадцать.

Эгоистка, стерва, дрянь – когда я отметила пятнадцатилетие.

Сука – а это уже сейчас, после его возвращения домой.

– Зачем? – выдыхает, продолжая держать меня в западне.

Его лицо слишком близко к моему. Я чувствую горячий воздух, пропитанный кедровыми нотками его парфюма и остатками сигаретного дыма. Яр начал курить в шестнадцать. Я поймала его и сдала родителям. Наши отношения ухудшились намного раньше. Но чтобы я не делала, как бы ни подставляла его – специально или случайно, как с сигаретами, – он никогда не отвечал мне тем же. Терпеливо игнорировал и проходил мимо, не замечал... Я всегда была пустым местом для брата. Брат... Даже так нельзя называть его. Он запретил...

– Это тебя не касается, – шепот вместе с воздухом срывается с губ.

Но Ярослав не принимает ответ, как и не верит мне. Никогда не верил. Сейчас бесполезно утверждать обратное.

– Заблуждаешься! Еще как касается! Касается нас двоих. Поэтому говори. И постарайся больше не лгать. – Подтверждает мои мысли и давит на горло. Вот теперь воздух с катастрофической скоростью заканчивается, и я начинаю хлопать губами, жадно глотать пустоту. Наверное, со стороны выгляжу как рыба, выброшенная на песчаный берег. Плевать! Мне плевать. Я просто хочу, чтобы он прекратил.

– Яр. – Хрип вместе с остатками воздуха срывается с губ. –

Пожал... ста... Прекрати...

Он держит. Не отпускает.

Слезы жгут щеки. Я отбиваюсь. Поднимаю руки, хватаю его локоть. Дергаю. Но безрезультатно. Брат никогда не был крепким парнем. Ботаник в очках – этакий шаблонный персонаж. Но за несколько лет он сильно изменился. И теперь под светлой кожей с темными волосками и проступающими венами таится пугающая сила. Я вижу, как мышцы на его руке напрягаются. Словно канаты натянуты жилы. Он давит, не жалея меня.

Неужели это все?

С губ срывается поверженный всхлип.

Рука Ярослава расслабляется, но не отпускает.

– Ненавижу тебя. – Слова как похоронный марш вырываются из него. Теперь точно точка. Это финал, и я проиграла. Вновь.

– Прости, – тихий шепот и до сих пор неизвестное слово слетает с посиневших губ. – Прости. Прости... – как заведенная повторяю, перехватывая дрожащими пальцами его запястье.

Пульс. Я чувствую, как колотится мое сердце. Бешено и бесконтрольно. Его сердце не отстаёт.

– Заткнись, Арина, – произносит брат, вынуждая меня захлопнуть рот и уставиться на него.

Через пелену слез его лицо кажется размытым, и я шуюсь, пытаюсь отыскать столь дорогие и родные черты. Но

его образ уплывает от меня, и я закрываю глаза, надеясь, что когда распахну их, то вновь четко смогу различать привычные очки в металлической оправе, которые так идут брату. Его тонкие бледно-розовые губы и еле заметную щетину, к которой так и хочется прикоснуться. Проверить, оставит ли она следы на моей коже. Хотя что-то... Я так хочу, чтобы мне досталось от Яра хоть что-то... Жалкая крупица, но моя личная...

Я одержима им. Наверное, даже люблю...

Но он ненавидит меня. Всегда ненавидел.

– Черт! – рык срывается с его губ, и я открываю глаза, чувствуя, как рука, удерживающая мое горло, внезапно исчезает. Но вместо того, чтобы встретиться с ним взглядом или вдохнуть полной грудью, я распахиваю глаза от ужаса, и вижу, как в мою сторону летит кулак. Он пролетает мимо. Буквально считанные миллиметры, и вонзается с глухим стуком в стену.

Я громко ахаю и смотрю на Яра, и не узнаю его. Будто вижу впервые, будто не было двенадцати лет, которые мы знали друг друга.

Чужие. Мы всегда были друг другу чужими.

– Яр, – шепот срывается с губ с тихим всхлипом.

Он поднимает глаза и встречается с моими, наполненными слез и страха.

– Арин, я...

Он больше не говорит. Я вижу, как его губы подрагива-

ют в безмолвной тишине. Кажется, он хотел бы что-то сказать, возможно, как и я. Но я не нахожусь со словами, покинувшими мою голову, как и мысли, и оставившими в черепной коробке звенящую пустоту. А Ярослав вовсе пугает, сокращая между нами расстояние до критического малого. Я вновь жмурюсь, ожидая нового удара или злого рыка, но удивленно распахиваю глаза, ощущая, как мои губы что-то обжигает.

Его губы... Они сминают мои, рвут на жадные поцелуи. Нет, даже не поцелуи. А что-то похожее на яростное вторжение. На проникновение языком, на ворованный воздух. Я выдыхаю и теряю контроль над собой. Мое тело превращается в неподвижную статую из цельного куска льда, когда мой неприступный сводный брат объят адским пламенем. Его пальцы вонзаются в мою талию. До боли. До немного ругательства. Но я лишь глотаю слезы и позволяю ему вторгаться в себя. Рвать жадно губы, разводить коленом мои ноги.

Это ведь то самое? В голове хаотично мечутся мысли. Я должна заставить себя двигаться. Оттолкнуть его, потому что то, как трогает Яр, мне не нравится. Слишком опасно. Слишком жаростно...

Или наоборот привлечь его еще ближе, словно попытаться срастись с ним телами...

Ведь я этого хотела? Несколько лет, с тех самых пор, когда девочки начинают мечтать о мальчиках...

Я всегда мечтала о своем сводном брате. Он был для меня

идеалом мужчины. Тем, кому я бы хотела подарить первый поцелуй, первую ночь...

Но то, что творится между нами сейчас похоже на наказание. Для нас двоих...

Глава 1

– Смотри, вот это или это?

Луиза тыкает ногтем в экран своего планшета, заставляя и меня повернуть голову и посмотреть на то, что она планирует приобрести. Сегодня у нас день шопинга. Онлайн-шопинга. Обычно мы предпочитаем выбираться в торговый центр или ездить по различным бутикам на новенькой красной машинке подруги, но в этот раз решили отказаться от многочасовых походов по магазинам и заперлись в комнате Луизы в ее родительском доме.

– Вот это. – Указываю на бледно-розовое платье на тонких бретелях и с кружевной отделкой. Как раз в духе подруги – миленькое, нежное и что-нибудь миниатюрное.

Она хищно скалится и отправляет еще одну будущую покупку в виртуальную корзину. Я замечаю, как счетчик приближается к двадцати.

– Может, хватит? – Киваю на цифру, на что получаю залихватский смех подруги и яркие огоньки в глазах.

– Неа, я только разогреваюсь, – заявляет она, открывая новую страничку. – Теперь нужно найти босоножки под это платье, – с гордостью произносит, вызывая во мне усмешку.

Из нас двоих, школьных подруг, манией к трате родительских денег страдает лишь Луиза. Но она может позволить се-

бе немного прибахраhlиться, впрочем, могу себе позволить и я. Но в последнее время у меня появилось стойкое желание завернуться в плед, взять кружку с какао и посмотреть сериалы. Кажется, это отходняк после стрессовых экзаменов. Но теперь когда все позади, я не чувствую прилива бодрости. Словно что-то темное и неизвестное гложет меня и тянет на дно.

– Эй, а как тебе вот эти? – восторженно произносит подруга и уже тыкает экраном в мой нос. Я вовремя успеваю отклониться назад, чтобы не получить по лицу и хмурю брови, гипнотизируя шпильки.

– Ты говорила про босоножки, – напоминаю подруге про ту часть обуви, которой по ее заверениям в гардеробной комнате не хватает. В последнем она, конечно же, преувеличивает. У Луизы как минимум пятнадцать пар босоножек, но ей всегда мало.

– Но смотри какие туфельки! – бормочет она, продолжая рассматривать экран. – У меня аж слюноотделение началось.

– У тебя этот физиологический процесс продолжается уже час. Может, нам лучше поесть?

Луиза усмехается и просматривает новые снимки туфелек на шпильке. У нее как и у многих других есть слабость. Но лично у Луизы эта слабость заключается в высоте каблука. При росте в сто пятьдесят три сантиметра она считает себя слишком низкой, чтобы выбирать практичную обувь, а не ту, на которой можно переломать косточки. Я же выше подруги

и поэтому чувствуя себя вполне комфортно, но ровно до того момента, пока она не начинает указывать на нашу разницу в росте.

– Давай пиццу закажем, – бормочет подруга, отправляя туфельки в корзину. Двадцатая будущая покупка. – Сейчас еще босоножки поищу, и я буду готова к употреблению калорий, – показывает мне ряд ровных белых зубов и, усмехнувшись, возвращается к онлайн-магазину.

Я соглашаюсь и на пиццу, поднимаясь с постели подруги, и шаркаю босыми ногами по ковровину с длинным ворсом. Мне нравится, как он щекочет пятки, и как ноги легко ступают по мягкой поверхности. Пожалуй, приобрету себе небольшой коврик, чтобы наслаждаться по утрам приятной прогулкой по комнате.

Добравшись до комода, куда я бросила сумочку, достаю телефон и, разблокировав экран, замечая пропущенное сообщение от Марины.

Марина моя мачеха, с которой у нас за двенадцать лет, как она сошлась с моим отцом, сложились вполне дружелюбные отношения. Мы не породнились, как это могло бы произойти между дочерью и матерью, и не стали хорошими подругами, как с Луизой, но то, что было между нами, вполне терпимые почти родственные отношения. Она любит меня и заботится, даже порой защищает перед отцом, если я что-нибудь сделаю такое, отчего в иной раз можно было бы схлопотать ремнем по заднице. Но и я стараюсь держать между

нами достаточную дистанцию, чтобы не забывать – Марина не моя мать и никогда ее не заменит.

Нажав на иконку, я проваливаюсь в папку с входящими сообщениями и бегло просматриваю пару строчек. Их смысл доходит не сразу, но когда мозг наконец-то начинает выполнять свою непосредственную прямую функцию, я нервно заглатываю слюну и вновь перечитываю.

– Кажется, я больше не хочу есть, – произношу, рассматривая как загипнотизированная единственное слов, которое цепляет и не отпускает. Его имя.

– Что случилось? – Где-то на периферии слышится голос Луизы, которая подскакивает и приближается ко мне.

Я не успеваю отреагировать на ее вторжение в личное пространство, и она ловко отбирает мой телефон и изучающе рассматривает сообщение от Марины.

– Вау! – слышу ее неподдельный удивленный вскрик и вздрагиваю, отмирая и оборачиваясь.

Луиза возвращается в постель, плюхается на пятую точку и глупо хихикает. Я вижу, как на ее лице растягивается та самая плотоядная улыбочка, когда моя подруга замечает новую цель, в которую направит свои острые коготки. Сейчас этой целью становится Ярослав.

– О мой бог, – шепчет она, поднимая на меня глаза. – Неужто сам ледяной принц соизволил навестить скромный отчий дом?

Она, конечно же, драматизирует, но во мне рождается же-

вание улыбнуться. Пусть и выходит это в итоге криво. Я возвращаюсь к подруге, занимаю место рядом и осторожно отбираю свой смартфон, пока она не догадалась залезть туда, куда пронырливой подруге не стоит совать миленький маленький носик.

– Да, соизволил, – голос немного хрипит, но подруга не замечает перемены настроения. Я уже с утра была немного не в духе, поэтому мы и ограничились онлайн покупками, вместо запланированных покатушек на весь день.

– И я так понимаю, уже сегодня? – томно произносит она, прикасаясь к моему плечу щекой.

Приходится согласиться, медленно кивнув. Сердце отчего-то нещадно начинает стучать. Волнение волной разливается под кожей.

– И у вас будет семейный ужин?

– Так написала Марина. – А тут я пожимаю плечами, пытаясь совладать с эмоциями и не выдать своего страха. Для Луизы мое отношение к брату кардинально иное, чем то, что я чувствую по-настоящему. Но я умею хранить тайны и никогда никому не признаюсь. Потому что боюсь... Черт! Как же я боюсь саму себя.

– А там лишнего столового прибора на одну очень хорошую подругу случаем не найдется? – подмигивает, заглядывая в мои глаза. Как щеночек, ей богу! Так и хочется сказать да и позволить бестии ворваться в мой дом. Яр явно не оценит гостя за столом.

– Прости, но нет, – отвечаю, и слышу, как шумно вздыхает Луиза. Наигранно обижается, отворачиваясь, и тянется к своему планшету.

– Ну и вредина ты, – смеется она, разблокировав экран. – Хотя так полюбуюсь, – произносит и до того как я успеваю понять о чем идет речь, Луиза уже ищет моего брата среди ее друзей в инсте.

Да, с некоторых пор он стал вести жизнь в социальных сетях. Фотографий там мало, историй и прочего и того меньше, а если и есть новости, то обычно от его друзей или той компании, которую он затеял пару лет назад. Я пытаюсь признаться себе, что слежу за братом. Но от осознания мысли, что зарегистрирована там под чужим вымышленным именем, становится дурно. Попахивает каким-то извращением. Но мера вынужденная, и лишь это успокаивает мою совесть, пусть другие в ее наличие и не верят. Яр ни за что бы на свете не позволил мне следить за его жизнью. На пушечный выстрел бы не подпустил, а так со стороны, одним глазком... Пожалуй, вот и еще одна тайна, тщательно оберегаемая мной...

– О, какой он стал, – тянет Луиза, выдыхая. Я слышу приторные нотки, проскальзывающие в ее выражении, и ничего хорошего они не сулят. – Красавчик! Слушай, я же говорила, он еще тот ледяной принц. Какие плечи! Это где он? – он указывает на снимок, на который я залипала несколько дней подряд.

Я почти неувовимо отправляю слюну в пустой желудок и

медленно поворачиваю голову. Бросаю незаинтересованный взгляд и пожимаю плечами.

– Без понятия. Он передо мной не отчитывается.

– Хотя без разницы где, – соглашается Луиза, явно пытаюсь сохранить нейтралитет в этой бесконечной молчаливой войне. – Но он хорош без футболки.

Смешок срывается с губ.

– С каких пор тебя интересуют дохляки? – говорю небрежно и явно преуменьшаю достоинства брата. – Помнится, твой идеал голубоглазый блондин с широченными плечами. Как тот, из тренажерки.

Луиза изгибает темную бровь и отмахивается.

– Мне, конечно, нравятся качки и мажорчки, но вот такие парни как твой брат стоят на отдельном пьедестале.

– Почему? – а вот сейчас удивляюсь искренне. Что ее могло зацепить в моем брате и стоит ли расценивать подругу как некую соперницу в моем тайном обожании?

Луиза вновь смотрит на снимок, явно увлекаясь тем, на что я сама капала слюной, и задумчиво произносит.

– Он другой, Арин. Понимаешь, в нем есть нечто такое, за что хочется ухватиться и не отпускать. Ты только его успехи в школе вспомни. Все олимпиады его. Золотая медаль. Лучший университет страны и без отцовской протекции. Все сам. Своими мать его офигенными мозгами. Он же чертов гений! А что в итоге? – с пылом выдает тираду, ошарашивая меня до немого хлопанья губами. – Их стартап сделал

его молодым миллионером. Заметь, опять все сам. Без твоего отца.

А вот тут подруга права. Во всем права, отчего мне становится стыдно и дурно. Я родилась дочерью бизнесмена. Вполне удачливого и имеющего хорошее финансовое состояние. Ярослав и его мать, школьная учительница, долгие годы не знали, что такое дорогие шмотки или полный холодильник качественных продуктов. Его до двенадцати растила только мать, и когда Ярослав и Марина оказались на пороге нашего загородного коттеджа, он выглядел так, словно планировал наняться на грязную работу за три гроша, а не стать членом нашей семьи. Высокий, тощий и в огромных некрасивых очках. Это уже позже в нем появился лоск, а характер и воспитание сделали его сдержанным, немногословным чертовым ботаником, в гениальность которого верили все, кроме меня. Я же предпочитала обзывать его и доставать, отрицая его таланты. Хотя, именно гением и был мой брат.

– С чем его и поздравляю, – надменно произношу, выбрасывая из головы непрошенные мысли.

– Смотрю, ты не в духе, – приглушенно произносит Луиза, отодвигая в сторону экран с фотками моего брата.

– Да, сорри, – усмехаюсь, хотя я нисколько не сожалею. В груди неприятно щемит. – Мне еще терпеть его вечно недовольное лицо весь вечер. – Гримасничаю, пытаюсь изобразить выражение, с которым брат обычно смотрит на меня. –

И я очень надеюсь, что он не задержится у нас надолго.

Я лгу. Каждое слово, вырывающееся из моего рта – чистейшая кристальная ложь. Я хочу не только его увидеть, но и услышать голос. Заглянуть в холодные карие глаза, невзначай дотронуться. Сделать хоть что-нибудь, что сблизит нас... Хотя бы на одну гребаную секунду. Но он не подпустит. Да и я не осмелюсь. Трусливая и лживая Арина. Его ненавистная сводная сестра, которую Яр предпочитает вычеркивать из своей жизни. Всегда.

– Пожалуй, мне пора. – Я поднимаюсь и одергиваю свой сарафан, задравшийся и чуть мятый по бокам.

Хочу вернуться домой раньше, чем он приедет, привести себя в порядок и не выглядеть как девчонка, которая без пяти минут отметила совершеннолетие и наконец-то получила школьный аттестат. Хочу стать хоть чуточку старше в его глазах. Взрослее. Возможно, это что-то поменяет.

Но не уверенности мне не хватает, а банальной возможности отмотать время вспять, отыскать ту себя в прошлом, девчонку, которая всеми силами пыталась привлечь внимание парня, и поступала порой дурно и не справедливо.

Я все портила сама. Много-много раз.

Глава 2

Луиза порывается отвезти меня домой, но я отказываюсь от ее помощи и вызываю себе такси. Подруга деланно дует-ся, но не обижается. Ей нравится ездить, она и права получила раньше всех, а на свое совершеннолетие родители подарили ей ту самую красную машинку. Водить у нее получается на удивление отлично. Словно была рождена для этого. Я же пока не решаюсь записываться в автошколу. Будет время, еще успею. А вот отец порывался купить мне машину на восемнадцатилетние, после того как ему хвасталась Луиза, но я отказалась от подарка, предложив вложить эти деньги на счет. Мало ли... Отец с моими доводами согласился, при этом удивленно округляя густые черные брови – мол, моя девочка в кои-то веки выдала умную мысль. И я очень надеялась, что он не поделился тем нашим разговором с Мариной, а она уже с сыном. Не хватало еще презрительных взглядов от Ярослава. Уверена, вот он сможет меня подколоть каким-нибудь гадким замечанием.

Я постукиваю по бедру пальцами, пока автомобиль паркуется напротив нашего дома. Выбираюсь из салона и, стараясь сохранить видимое спокойствие, приближаюсь к дому. В груди сердце продолжает от волнения отплясывать чечетку. Я прокручиваю в голове список дел, которыми нужно срочно

заняться – принять душ, подобрать одежду и сделать сдержанный макияж, чтобы выглядеть перед Ярославом вполне опрятно и по-взрослому, но все мысли улечиваются в миг, когда я вхожу в дом и вижу на пороге чемодан.

Мои глаза скользят по темно-серой плотной ткани, цепляются за металлическую ручку и кожаную оплетку. Подняв голову, я замечаю чужую спину, затянутую голубой тканью футболки.

В горле поднимается ком, который я судорожно пытаюсь запихнуть обратно в желудок.

Он приехал. Черт! Раньше времени! Марина же писала про ужин... Или она имела в виду, чтобы я вернулась домой до ужина, а брат прилетит раньше? Пока я пытаюсь сообразить и вспомнить сообщение, которое до этого момента прочитала несколько раз, фигура передо мной оживает и медленно оборачивается.

Наши глаза пересекаются как две шпаги. Мои – ошарашенные от неожиданной встречи. Его – ледяные и пустые.

– Привет, – против воли вырывается слово, на которое Ярослав никак не реагирует. Впрочем, он никогда со мной не здоровается. Слово это запрещено в его каком-то внутреннем уставе. – С приездом. – Пытаюсь взять себя в руки и делаю шаг вперед, огибая чемодан.

Ярослав следит за мной. За каждым чертовым движением, отчего мне становится неуютно. Я чувствую, как по коже мчится табун мурашек, именно там, где касается взгляд

карих глаз. Сначала мое лицо пронзает стая ледяных снежинок, сползает ниже и тянется следом по шее, по пульсирующей вене, до плеча и ключицы. Думаю, он немного удивлен увидеть меня именно такой – в легком сарафанчике, который едва прикрывает грудь и бедра. Хлопковая белая ткань не обтягивает тело, но если присмотреться, то можно увидеть кромку белья. Да, он замечает. Я чувствую, как его взгляд запинаясь и непозволительно долго держится на груди.

– Как долетел? – Пытаюсь разорвать повисшую между нами паузу и заставить брата наконец-то заговорить, но он неторопливо поднимает глаза и отвечает так, что хочется заткнуть уши и уйти.

– С каких пор тебя это волнует? – Режет словами как острым ножом.

Я поджимаю губу, заставляя себя сдержаться и не выплюнуть что-нибудь мерзкое в ответ. Пожимаю плечами и прохожу мимо, все еще чувствуя его взгляд на себе, но теперь на ногах. Да, сарафан почти не прикрывает мои ноги. И, наверное, за год, который мы не виделись, я изменилась. Я надеюсь на это. Потому что, кажется, все еще меняюсь. Хочется одернуть подол и прикрыть зад. Жду, когда следом прилетит что-то из разряда «шлюха», но Яр молчит.

– Не волнует, – я все-таки отвечаю, оборачиваясь через плечо. – Так, чтобы поддержать диалог, – усмехаюсь, встречаясь с его глазами.

– Сынок! – голос Марины разрывает зрительный контакт

и спасает нас от перепалки.

Женщина торопливо перебирает ногами, хлопая тапочками по мраморному полу, и подлетает к Ярославу, который выше матери почти на голову. Наверное, ростом пошел в своего отца, которого я видела лишь раз на старой фотографии. Как раз из тех случаев, которые выходили мне боком. Тогда Яр вышвырнул меня из своей спальни и запретил приближаться к его вещам. А после я заложила его, когда он сцепился в школе с парнями из параллельного класса. Да, даже ботаникам доставалось, особенно тем, которые в одночасье начинали хорошо жить.

Я отворачиваюсь, бросаю взгляд на спешащую Марину и прохожу мимо, кивнув ей. Но неожиданно ее голос заставляет меня замереть у лестницы.

– Арин, подойди к нам.

Я вынуждена повернуться всем корпусом и уставиться на женщину, в глазах которой стоят слезы радости. Он машет и подхватывает меня под локоть, обнимая второй рукой сына. Ярослав молчит, но я замечаю, как меняется его лицо. Только что было довольным и даже светлым от мимолетной улыбки, и вот он опять скован коркой льда. Я невольно делаю шаг навстречу, но замечаю – он качает головой, словно заставляя меня замереть на месте и не нарушать его границ.

– Да, – учтиво интересуюсь, что же Марине могло понадобиться от меня.

– Я так рада, что вы оба наконец-то дома, – выдыхает она,

явно не замечая, какое напряжение искрит между мной и ее сыном. – Вы же оба будете на ужине?

Я киваю, Ярослав тихо отвечает.

– Ну и отлично, – Марина сияет как рождественская елка. – Давай, хватай свой чемодан. Пойдем к тебе в комнату. Там ничего не поменялось, – радостно восторгается она, следя за сыном.

Ярослав подхватывает чемодан – легко и быстро, и следует за матерью по лестнице на второй этаж. Проходят мимо меня, и я смотрю в спину Марины, но она не замечает моего взгляда. А вот Ярослав, кажется, видит все – наши глаза вновь цепляются как репейники друг за друга. Он на мгновение замирает напротив меня и, чуть наклонившись, произносит фразу, вызывая во мне жгучее желание ударить его.

– Не мешайся под ногами, сука.

Сердце ударяется о ребра. Я молча глотаю оскорбление и провожаю его широкую спину. От синевы его футболки болят глаза.

Я продолжаю стоять у лестницы, пока они не скрываются в коридоре на втором этаже. Стою даже тогда, когда наверху хлопает дверь. Стою и после. Тело парализует страх и отчаяние. Слезы жгут глаза. Неужели ничего не изменилось?

Я шумно выдыхаю и вздрагиваю, когда слышу свое имя, раздающееся откуда-то позади. Словно через вату доносятся чужие шаги, и быстро моргаю, пытаюсь прогнать непрошенные слезы.

– Арина, добрый день. – Голос нашей домработницы Валентины звучит вполне добро и бодро.

Я неуверенно оборачиваюсь, не зная – не отражается ли на моем лице боль. Но судя по тому, как она лучится счастьем, Валентине явно не до меня. Все мысли женщины сосредоточены на Ярославе – об этом она сразу же говорит, поправляя манжеты своего рабочего костюма.

– Как я рада-то, что наш парень вернулся! – отзывается Валентина, поглядывая на лестницу. – Марина Сергеевна попросила сегодня приготовить королевский ужин.

Я киваю, глотая ком. Ужин. И как пережить еще вечер с ним? Хорошо, что не наедине. Иначе все закончится поножовщиной фамильным серебром. Ладно, я привираю. Серебро не держим, а вот столовые приборы из какой-то жутко дорогой французской коллекции имеются. Он считает, что есть нужно их хорошей посуды – тогда и еда кажется вкуснее. В последнее время я вовсе не чувствую вкуса еды. Нервы после экзаменов дают о себе знать каждый день.

– И ты так вовремя вернулась.

Она переводит взгляд серых глаз на меня и оценивает мой вид. Еле уловимо качает головой, явно не одобрив длину сарафана. Что же... Теперь и я не рада, что выбрала именно это платье для выхода. Все еще чувствую на себе его взгляд и помню, как он скользил по коже, оставляя ледяные царапины на шее и ключицах. – Вы успели увидеться?

– Да, – быстро отвечаю, делая шаг в сторону первой сту-

пени. – Я пойду, – произношу, желая поскорее избавиться от Валентины. С ней у нас отличные отношения, но порой и эта женщина перегибает палку, намереваясь меня воспитывать.

Но именно сейчас я не готова терпеть от нее нравоучений. Валентина что-то отвечает, вроде бы про ужин, но я лишь киваю в ответ и хватаюсь за перила.

Идти тяжело – ноги как деревяшки не сгибаются. Это волнение. Это просто эмоции, которые нужно отключать. Выдыхаю, я заставляю себя двигаться и поднимаюсь наверх, слыша, как Валентина удаляется на кухню. Пусть позаботится о царском ужине. Уверена, все будет на высоте, только вкус я вряд ли почувствую, как и не смогу проглотить ни кусочка.

Я прохожу по коридору почти бесшумно. Издалека слышатся голоса. Мне казалось, что дверь захлопнулась, но видимо не до конца. Поэтому я отчетливо слышу голос Марины – она задает вопросы и восторженно поддерживает беседу с сыном. Но вот его голоса я почти не слышу. Что же, он всегда говорит тихо, но вкрадчиво, словно пробирается под кожу. Я замираю около своей двери и смотрю на узкую щель. Голоса стали чуть громче.

– Представляешь, Ариша аттестат без троек получила, – хвастается Марина, на что получает приглушенное хмыканье.

Он веселится? Нет, насмехается! Ему плевать на мои оценки. Ярослав всегда говорил – у моего отца достаточно денег, чтобы я получила золотую медаль за спонсорские

ВЗНОСЫ.

Я сжимаю зубы до скрежета. Толкаю дверь и влетаю в свою комнату, с хлопком закрываю и жмурюсь, подавляя злость. Впереди меня ждут самые сложные дни.

Все начинается совсем не так, как я рассчитывала.

Минус десять баллов, Арина Николаевна.

Глава 3

Спускаться к ужину вовремя я не тороплюсь. За проведенные часы в своей спальне я успеваю обмозговать новый план. Получается с трудом, потому что Луиза намерена вытрясти из меня душу и напрашивается в гости, и даже мои отказы ее не останавливают.

Отвечая на ее звонки и сообщения, я то и дело приближаюсь к двери и прислушиваюсь, но в коридоре царит мертвая тишина. Лишь изредка можно услышать шаги Марины. Яр предпочитает не выходить из комнаты как и я. Скорее всего, отсыпается после перелета. Так хочу думать, опускаясь на самый краешек постели и разглядывая разбросанные «наряды» для вечернего семейного ужина. С отцом я уже успела пообщаться – он будет дома ровно к восьми, поэтому искать поддержки у него не стоит. Он как и жена будет рад приветствовать в доме того, кто не доставляет проблем семье. Марина парит от счастья, что ее сын вернулся домой, и напрочь не будет замечать моих стычек с Ярым. Поэтому приходится надеяться только на себя.

Вздыхнув и прогнав прочь из головы печальные итоги будущего ужина, я поднимаюсь и отметаю прочь любые мало-мальски симпатичные платья. Выбираю джинсовые шорты и футболку с рваными краями. Мы же дома ужинаем, а

не в ресторан собираемся.

Затянув в хвост темные локоны, которые достают мне практически до поясницы, я засовываю босые стопы в тапочки и шлепаю вниз, не обращая внимания на собственное отражение, то и дело появляющееся в начищенных окнах, рамках и прочей пафосной фигне, которой обставлен дом. У отца и Марины вкусы схожи – умеют захламлять пространство ненужным мусором. Будь моя воля, половину вещей я бы выкинула. Я предпочитаю минимализм, поэтому в моей комнате все стоит на своих местах и нет ничего лишнего. В комнате Яра то же самое...

Я спотыкаюсь на этой мысли и замираю на лестнице. Нет, это лишь совпадение...

Спускаюсь вниз, чувствуя, как настроение стремительно падает к нулю. Уже в просторной и светлой столовой я выгляжу как депрессивный подросток, а не молодая совершеннолетняя выпускница. На лице отражается нежелание находиться тут, где уже собрались Марина и отец, сидящие друг напротив друга, Яр, что-то отвечающий моему отцу в тот самый момент, когда я вхожу, и пустое место как раз напротив него. Да уж, только Валентина могла так сервировать стол и подготовить места.

Отец бегло осматривает мой внешний вид и качает головой. Явно недоволен, но молчит. Как и Марина, вырядившаяся по случаю в скромное, но вполне приличное платье на широком поясе с рядом перламутровых пуговиц. Ее воло-

сы собраны в тугой учительский пучок, от которого она так и не избавилась даже спустя много лет после того, как совсем ушла из преподавательской жизни и стала домохозяйкой. Привычка неплохая, и я не могу не отметить – такая прическа ей идет. Отец же выглядит немного расслаблено, но в светло-голубой рубашке он уезжал на работу и скорее всего просто не успел переодеться. На Ярослава я стараюсь не смотреть, но все же замечаю – даже он спустился к ужину вполне собранным. Волосы аккуратно причесаны, на носу прежние очки в тонкой металлической оправе. Плечи обтягивает рубашка в серую клетку, а длинные рукава закатаны и собраны на локтях. Немного небрежные вид лишь делает его еще симпатичней. И мне придется видеть его как минимум полчаса!

– Всем добрый вечер, – ворчливо произношу, оглябая стол. – Приятного аппетита.

В ответ я слышу смазанные приветствие от отца и приглашение за стол от Марины. Яр как обычно молчит.

Мысленно выругавшись, я занимаю свой стул и принимаюсь за еду, не извиняясь за опоздание и не обращая внимания на недовольную гримасу отца. Марина приглушенно выдыхает и качает головой. Стучат столовые приборы. Между нами повисает тишина. Я осторожно поднимаю глаза и встречаюсь со взглядом брата. Неужели он следит за мной все пять минут, которые я вынуждена торчать здесь? Или вновь случайность, от которой кусок застревает в горле. Я

давлиюсь и хватаюсь за бокал с водой. Залпом осушаю, пытаюсь протолкнуть кусочек в горле.

– Опять торопишься, – усмехается ласково отец. Видимо не понимает – его дочь может вовсе задохнуться. Вода помогает, но в горле нещадно саднит.

Я поднимаю глаза на отца и отвечаю, пытаюсь больше не кашлять.

– Я не тороплюсь. Так получилось.

Наверное глупо оправдываться и можно промолчать, но игнорировать отца не могу. Следом прилетает милая история Марины о том, как я подавилась в прошлом году. Им кажется милой, потому что они хохочут, я ворчу под нос, надеюсь что мои щеки не запылали от смущения и недовольства, а вот Ярослав вновь молчит. Ни один чертов мускул не дрогнул на его лице. Он словно не здесь. Аккуратно ест, аристократично пользуясь приборами. Я засматриваюсь на его руки и невольно повторяю. Но вовремя ловлю себя на мысли – я опять пытаюсь быть похожей на него.

Кажется, меня ловят именно на этом моменте. И нет, ни Марина или отец, потому что они увлечены воспоминаниями, которыми перебрасываются через стол как два фокусника, ловко вынимая из шляпы самые позорные обо мне, и самые лучшие о Яре. Брат. Меня ловит на подражании брат. Переводит взгляд с моих рук, которые зеркалят его движения, скользит выше, заостряя внимание уже на локтях и плечах. Качает головой, явно не будучи обрадован открытию, и

пересекается взглядом со мной. Напряжение искрит и готово спалить нас к чертям.

Эта молчаливая битва длится от силы пару секунд, но мне кажется, что бесконечно. Первой сдаюсь я. Возвращаюсь к вилке и тарелке и молчаливо поддерживаю беседу с отцом и Мариной. Они задают вопросы, сами же отвечают, и к концу ужина у меня складывается впечатление – что я и Ярослав тут были лишними. Им не плохо и двоим. Но, возможно, все дело в другом. Они знают, что у нас не самые хорошие отношения, помня про ссоры в прошлом, и сейчас пытаются сгладить острые углы. Ох, надеюсь мирить нас не будут.

– Слав, а когда у тебя билеты обратно? – вдруг произносит отец, и я напряжено замираю. Что значит когда? Неужели он уже уезжает?

Я медленно поднимаю глаза и смотрю по сторонам, периодически скользя взглядом и по брату. Но он повернулся к отцу и не замечает меня.

– Через две недели, – произносит брат ровным голосом, а вот мой внутренний кричит во всю глотку. Что значит через две недели?! Я думала, что он пробудет дома до конца лета! Он же выгодно продал свой стартап, теперь в деньгах купается. Куда ему торопиться?!

– Ты в Москве задержишься?

Он отрицательно качает головой, а после добавляет.

– Нет, на пару дней. Не дольше. Потом улетаем в Пекин. Сердце устремляется в горло и с размаху плюхается вниз.

Живот сводит судорогой. Я нервно сглатываю и пытаюсь думать. Какой еще, мать его, Пекин?!

– Как жаль, – тянет отец, но явно преувеличивает. – Я думал, ты в Москве хотя бы на осень задержишься. Ариша поступает в МГУ. – Выдает мою тайну отец, отчего сердце начинает биться в пятках. Я перевожу взгляд на Ярослава, ожидая колкости, но он как и прежде игнорирует мое присутствие. – Нам с Мариной было бы спокойней, если бы ты за дочкой присмотрел.

Я чувствую себя так, словно меня нагишом вывели на площадь и после показательной порки планируют сжечь на костре. Щеки нещадно обжигает стыд. Уверена, сейчас Яр думает о том, сколько отец отвалил денег и, скорее всего, в зеленой валюте, за то, чтобы я поступила в престижный университет со своим-то аттестатом «без троек»! Он прекрасно осведомлен о моих «школьных талантах», и я не могу ничего противопоставить ему. Да, я действительно не шибко умная, если нас, конечно же, сравнивать. Среднестатистическая выпускница, которой для того, чтобы попасть в хороший вуз нужно обладать либо отличными показателями, либо как в моем случае – тугим кошельком. И я попала в МГУ по последнему пункту. Не тот конечно факультет, который оканчивал Яр, но и то, что досталось мне – достаточно, чтобы получить хорошее высшее образование и не быть тупым барашком в семье.

– Она взрослая. Справится и сама. – Яр наконец-то обра-

щает внимание на меня, но говорит так, словно я в комнате пустое место. Злость переполняет и уничтожает стыд. Его пренебрежение на корню убивает мое желание провалиться сквозь землю. Я задираю нос и скалюсь.

— Да, взрослая, — подтверждаю его слова, делая упор на последнем. — И неплохо справлюсь одна. Без мамкиной юбки.

За столом воцаряется тишина. Тут я конечно переборщила. Яр никогда не держался за мать, всегда старался быть самостоятельным и помогал ей. Но Марина с трудом отпускала сына от себя, словно отрывала плоть от плоти. И мы прекрасно помнили тот момент, когда она не выдержала и рванула следом за сыном в Москву. Боялась, что он не сможет там один, без нее. Отец отпустил жену, а чуть позже и сам съездил в столицу. Навестил их и забрал Марину обратно, когда та была полностью уверена, что Яр устроился хорошо и ни в чем не нуждается. Поэтому мои слова звучат как брошенный камень в огород Марины, нежели претензия брату, но он принимает оскорбление на свой счет. Да, черт подери, я наконец-то его задеваю.

Злость не просто заполняет меня. Она бурлит и кипит. Течет по венам как лава, обжигая кожу. Неужели он думает, что единственный кто может кидаться оскорблениями и одаривать ледяным презрением? Учусь у лучших!

Я демонстративно складываю салфетку и поднимаюсь из-за стола. Что же, если начала огрызаться, отступить нет при-

чин. Раз я в его глазах сука, то суку и получит.

– Пап, Марин, – одариваю по очереди каждого улыбкой, – спасибо за ужин. Все было классно. Обязательно поблагодарю и Валентину.

Учтивость так и прет из меня. Выслушав сбивчивые ответы от старших, я перевожу взгляд на Яра.

– С приездом, брат, – акцентирую на его нелюбимом слове, складывая перед собой руки. – Надеюсь, эти две недели, проведенные дома, тебе запомнятся надолго.

Ярослав молчит. Да и что ему сказать? Он все еще кипит от злости. Держится, чтобы не испортить и так ужасный вечер и не обидеть мать, если начнет пререкаться со мной. А я, прощаясь, огибаю стол и чувствую, как только что начала войну.

Пусть летит хоть в Пекин, хоть на луну! Мне плевать! Я хочу вытравить его из своей головы. Заставить сердце не биться отчаянной птичкой каждый раз, когда слышу или вижу брата. Хочу просто уничтожить то, от чего так трудно дышать.

Я не люблю его.

Не хочу любить...

Глава 4

Из комнаты я не вылезаю до полуночи. Странно, но ни отец, ни Марина не приходят, чтобы вправить мне мозги. Ну, с Мариной я горячусь – она никогда не позволяла себе воспитательных мероприятий в отношении меня, пусть и по призванию была учителем. Наверное, слишком мягким учителем, потому что в школе в итоге не задержалась после замужества. Отец наверняка занят рабочими делами – у его компании новое направление, которое сулит приток денег и рост бизнеса. Кажется, ему всегда будет мало. Но я не влезаю в его дела.

Сейчас меня больше остальных беспокоит лишь один человек, который не так давно вернулся в свою комнату. В этой части дома находятся наши спальни, родительская комната – в противоположном конце коридора. Поэтому я отчетливо слышу шаги брата и глухой стук двери. Но выбираюсь из комнаты не сразу. Меня до сих пор потряхивает от напряжения. Какой бы бравадой я не была преисполнена за ужином, теперь же во мне кипят остатки бесстрашия, и затягивает пучина злости.

Переодевшись в простую длинную футболку и домашние хлопковые шорты, я вправляю ноги в любимые розовые тапочки и выглядываю за дверь. Коридор встречает меня ле-

денящей душу тишиной и блеклым светом ночников. Оглянувшись на закрытую дверь спальни брата, я ступаю бесшумным шагом и прислушиваюсь. Прежняя тишина сопровождает меня до первого этажа. Теперь я могу ступать более уверенно, а не красться по дому как мышь.

Добравшись до кухни, я заглядываю в холодильник и захожу там бутылку газировки и ванночку с мороженым. Мой ночной зажор перед сном. Выкладывая на тарелку увесистый кусок клубничного мороженого, и рассматривая, как пузырятся газировки в бокале, до меня доносится приглушенное хлопанье. Я вздрагиваю и роняю ложку, за которой тут же наклоняюсь.

– Твою же мать! – рычу сквозь зубы, наблюдая, как капельки мороженого тают на тапочке.

– Ты не меняешься, – слышится из-за спины, и я вздрагиваю, резко выпрямляясь.

Яр стоит на входе и прислоняется плечом к дверному косяку. Он тоже успел переодеться и теперь выглядит по-домашнему. Светло-серые спортивные брюки, майка белоснежного цвета. Я на мгновение закрываю глаза, пытаюсь напомнить себе – я не должна любоваться им. Я должна ненавидеть его.

– Такая же рукожопая, как и раньше, – добавляет брат, продолжая рассматривать меня через прозрачные стекла его неизменных очков.

И зачем очки? Неужели не может позволить себе опера-

цию? Я могу задать эти вопросы и быть по-прежнему резкой и заносчивой, но молчу.

Во мне вскипает желание убраться отсюда как можно дальше, но единственный выход загораживает он.

– Странно, – вдруг выдает брат после молчаливой паузы, затянувшейся на некоторое время.

– Что? – Не выдерживаю и оборачиваюсь, отправляя испачканную ложку в раковину. Аппетит пропал, но еду я все же намерена забрать. Вдруг смогу побороть нервозность и запихнуть кусок в горло...

– Обычно тебя не заткнуть, – отвечает Яр. Его голос звучит глухо и низко. Пугающе низко. – А за сегодняшний день ты не произнесла и пары толковых фраз. Язык проглотила, Аришечка?

Я поджимаю губу и оборачиваюсь. Бросаю в сторону самого классного парня, которого когда-либо знала, молнии и цежу сквозь зубы.

– Язык на месте, Ярославушка. Настроения нет. Ты же приехал.

Он качает головой и усмехается. Вот только то, как изгибаются его губы... Это не улыбка. Это жесткий оскал, которым он одаривает меня.

– Не беспокойся сестренка. Уже скоро уеду. – Надменно бросает, выпрямляясь. Его руки опускаются в карманы. – Просто постарайся держать за зубами свой погнанный язык.

– Как и ты! – вспыхиваю, чувствуя, как с каждым словом

Ярослав заставляет меня ненавидеть его еще больше.

Я задыхаюсь от злости, пытаюсь сконцентрироваться исключительно на ней. На ненависти... А не на том, как больно становится в груди, а внутренности жжет от воздуха, который я усиленно проталкиваю в легкие. В носу свербит. Неужели я на грани того, чтобы разреваться как ребенок?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.